

Н. Д. КОЧЕТКОВА, Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Ф. ЗОЛЬГЕР О КАРАМЗИНЕ

Карл Вильгельм Фердинанд Зольгер (1780—1819) — выдающийся немецкий философ и эстетик романтической школы, переводчик Софокла (1808), профессор во Франкфурте на Одере (1809—1811) и Берлине (1811—1819). За борьбу против субъективизма немецких романтиков и диалектические прозрения его высоко ценил Гегель, занявший после смерти Зольгера кафедру в Берлинском университете. Выделяя его из всех немецких теоретиков искусства, связанных с романтическим направлением, и противопоставляя братьям Августу Вильгельму и Фридриху Шлегелям, Гегель требовал, чтобы Зольгера не смешивали с этими «апостолами иронии». «Он со своим твердым, серьезным и дельным характером, — писал Гегель о Зольгере в «Лекциях по эстетике», — не был ни ироническим художником... ни художественным критиком, применяющим принцип иронии в своем разборе произведений искусства, ибо он обладал глубоким инстинктивным пониманием подлинно художественных произведений, воспитавшимся и изощрившимся благодаря продолжительному изучению искусства».¹ К Зольгеру испытывал интерес молодой Маркс, внимательно прочитавший и проконспектировавший на студенческой скамье, в 1837 г., его книгу «Эрвин. Четыре диалога о прекрасном и искусстве» (тт. 1—2, Берлин, 1815) — главное сочинение Зольгера по эстетике.²

В мае 1802 г., после слушания университетских лекций в Галле и Иене, молодой, в то время свободолобовиво настроенный Зольгер совершил заграничное путешествие. Через Готу, Эйзенах, Кассель, Франкфурт на Майне и Страсбург он отпра-

¹ Гегель, Сочинения, т. XII. Лекции по эстетике. Соцэкгиз, М., 1938, стр. 73.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, М., 1956, стр. 12.

вился в Швейцарию, а оттуда в Париж, где пробыл до сентября того же года. Во время путешествия Зольгер вел путевой дневник, многие страницы которого обладают первоклассными литературными достоинствами. Этот дневник был напечатан частично в вышедшем посмертно двухтомном издании «Сочинений и переписки» Зольгера.³

Вернувшись в Германию, Зольгер собирался обработать свой путевой дневник и заграничные письма для печати. В связи с этим, вероятно, он и ознакомился с вышедшим в 1799—1802 гг. в Лейпциге немецким переводом «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина (перевод этот был сделан в Москве Иоганном Рихтером и просмотрен самим Карамзиным). После прочтения «Писем», в апреле 1803 г., Зольгер записал в дневнике: «Карамзин — добрый, чувствительный, приятно образованный человек. Он постоянно полон любви и жизнерадостности; все восхищает его; каждому сколько-нибудь знаменитому современнику он несет дань своего восхищения и уважения». И далее: «Эти образованные русские всегда напоминают мне Волка из „Красной шапочки“ Тика, речи которого столь гуманны» (Karamsin ist ein guter, empfindsamer, sanft gebildeter Mann. Er ist immer voll Liebe und Freude; alles entzückt ihn; jeder bekanntere Mann ist seiner Bewunderung und Verehrung gewiss. Diese gebildeten Russen kommen mir immer vor, wie der Wolf in Tieck's Rothkäppchen, der so human spricht).⁴

При своей краткости и кажущейся незначительности заметка Зольгера, мало знакомого с русским обществом и культурой его эпохи, примечательна как свидетельство того внимания, которое вызвали в Германии 1800-х годов «Письма русского путешественника». Собираясь обработать для печати свои путевые заметки, Зольгер обращался к «Письмам» Карамзина как к одному из последних образцов «литературы путешествий» с целью изучить по ним законы этого жанра.

В последней фразе своей заметки, характеризуя «образованных» русских дворян конца XVIII—начала XIX в., Зольгер имеет в виду пародийный монолог Волка из третьей сцены ранней комедии немецкого писателя-романтика Людвиг Тика «Жизнь и смерть маленькой Красной шапочки» (Leben und Tod des kleinen Rotkäppchens. 1800), представляющей собой ироническую перелицовку этого сказочного сюжета. Волк жалуется здесь публике на установившееся из давна незаслуженное недове-

³ Solger's Nachgelassene Schriften und Briefwechsel. Herausg. v. L. Tieck und F. v. Raumer, Bd. 1—2. Leipzig, 1826.

⁴ Там же, т. 1, стр. 96.

рие к нему, на деле вызванное тем, что он не хочет быть ничьим слугой, не умеет притворяться и льстить, как другие, более ловкие, но менее прямодушные звери. Этому чувствительному Волку из иронической пьесы-сказки немецкого романтика Зольгер и уподобляет русскую аристократию своей эпохи

Сетуя на свою судьбу, Волк лицемерно заявляет:

Wie oft bin ich gekrank't und verkannt,
Und umgetrieben von Land zu Land,
Vergeblich suchend die Sympatie,
Wohl Schläge fand ich, doch nimmermehr die ⁵

По-видимому, некоторые места из «Писем русского путешественника» показались Зольгеру слишком претенциозными и даже фальшивыми. Так, например, могли быть восприняты жалобы Карамзина на одиночество во время путешествия. «Кто видит мои слезы? Кто берет участие в моей горести? Кому изъясню чувства мои? Я один... один! — Друзья! Где взор ваш? Где рука ваша? Где ваше сердце? Кто утешит печального?»⁶ Подобные излияния чувств, характерные для писателей сентиментального направления, в Германии эпохи романтизма уже стали восприниматься как литературные штампы; соответственно пропало доверие к искренности автора, выражающегося такими патетическими формулами. Читая «Письма русского путешественника» в 1800-х годах, Зольгер не мог еще исторически отнестись к особенностям карамзинского стиля, близкого к стилю немецких сентименталистов прошлого века, однако его недостатки сразу же бросились в глаза немецкому литератору-романтику. У Зольгера создалось впечатление, что Карамзин как бы рисуется перед читателем, хочет показаться лучше, чем на самом деле. Так возникло ироническое сопоставление Карамзина с Волком из «Красной шапочки» Тика.

⁵ Ludwig Tieck's Schriften, Bd. 2. Berlin, 1828, S. 344. — «Как часто оскорбленный и непризнанный, гонимый из страны в страну, я тщетно искал симпатии, но на мою долю доставались одни удары, симпатии же я не встречал никогда».

⁶ Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. I Изд. «Художественная литература», М—Л, 1964, стр. 509.